

Натали Рош

ОТЕЛЬ «БОЛОТНЫЙ ДРАКОН»

Натали Рош

Отель «Болотный дракон»

«Автор»

2026

Рош Н.

Отель «Болотный дракон» / Н. Рош — «Автор», 2026

На краю цивилизованного мира, посреди Большого Сырого Болота, стоит отель «Болотный дракон» — мечта тех, кому больше некуда идти. Добраться до него можно только по кривой гати, которую регулярно затапливает. Главной местной достопримечательностью и головной болью является настоящий дракон, который не летает, не дышит огнём и вообще больше похож на огромную сонную ящерицу. Управляет этим чудом Степан — некромант-недоучка с мечтой получить лицензию на гостиничный бизнес. В его подчинении — лич-бармен, зомби-горничная, тролль-повар и гоблин, воруящий всё, что не приколочено. Однажды Степан получает письмо: через неделю приедет королевский инспектор. Если отель не пройдёт проверку — его закроют, персонал разбежится, а самого Стёпу отправят в Академию на публичное позорище. Сможет ли некромант-недоучка за семь дней оформить лицензию на нежить, погасить долги перед Гильдией Магов, уладить конфликт с профсоюзом зомби и не сойти с ума — или «Болотный дракон» станет худшим отелем в истории?

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Худшее заведение на краю цивилизации. Добро пожаловать	5
Глава 1. Тучи сгущаются	7
Глава 2. Блюдо без рецепта, но с характером	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Натали Рош

Отель «Болотный дракон»

Пролог. Худшее заведение на краю цивилизации. Добро пожаловать

*У нас всегда есть свободные
номера. Это не реклама. Это
проблема.*

Степан Мокроступ, управляющий

Ночь выдалась спокойной, хотя жила своей суетливой жизнью. Где-то там, за стеной тумана, квакали лягушки. Много лягушек. Обычно к этому часу они уже спали, как и все нормальные существа на болоте. Но сегодня они давали концерт. Это был болотный джаз, играющий на нервах, или, что гораздо хуже, сигнал тревоги. Где-то коротко и гулко вскрикнула выпь. Что-то плюхнулось в болото с чавкающим хлопом.

Стёпа стоял на крыльце отеля, вглядываясь в темноту болота.

— Мокрун, — позвал Стёпа в темноту. — Ты там?

Ответа не было. Только туман стал чуть гуще и пахнул сероводородом.

Стёпа вздохнул. Он знал этот запах. Так пахло, когда дракон нервничал.

— Мокрун, если ты кого-то съел, я не буду тебя ругать. Я просто хочу знать, кого именно, чтобы не искать его утром.

Тишина. Потом — тяжёлый вздох из пруда. Такой тяжёлый, что с крыши отеля со скрежетом сорвалась черепица, ловко приземлившись Стёпе прямо на плечо.

— Спасибо, — сказал Стёпа. — Твоя забота греет мне душу. И чуть не сломала ключицу.

Он развернулся и пошёл внутрь. Дверь скрипнула так, что где-то в подвале проснулась нежить.

В лобби его ждал Авдей. Лич стоял за барной стойкой и полировал свой собственный череп, который он снял с плеч, чтобы протереть от болотной пыли.

— Он опять гудит, — сказал Стёпа, стряхивая с рукава пиявку.

Авдей водрузил череп на шейные позвонки. Глазницы полыхнули тусклым фиолетовым.

— Это у него изжога. Или он опять пытается переварить рыцаря в латах.

Авдей взял стакан и начал вытирать его той же тряпкой, которой только что полировал череп. Когда-то тряпка была белой. Теперь она была цвета болотной воды и пахла соответственно. Стакан тихо треснул и развалился на две части. Авдей посмотрел на него с укором, как будто стакан был виноват.

— У меня аура распада, — констатировал лич.

— У тебя аура депрессии, Авдей. Перестань вспоминать Третью Эпоху, у нас инвентаризация не сходится.

Стёпа подошёл к стойке, взял бутылку с чем-то мутным и налил себе.

Авдей проводил бутылку взглядом. Если бы у него были глаза, он бы, наверное, даже прищурился.

Стёпа выпил. Вкус был идеально отвратительный, как если бы смешать полынь и болотный мох.

— Знаешь, что я чувствую? — спросил он.

— Что половицы гниют в ускоренном темпе?

— Хуже! Каминная тяга пошла в обратную сторону. Обои поменяли узор на казённый. А скелет в кладовке сложил свои кости по размеру.

Авдей замер. Даже тряпка в его руке перестала двигаться. Фиолетовый огонь в глазницах моргнул.

— Гильдия?

— Я чувствую, утром будет почтальон.

Авдей медленно поставил второй стакан — тот снова развалился — и посмотрел на Стёпу. В пустых глазницах мерцало что-то, похожее на беспокойство.

— Инспекция?

— Думаю, да.

— Ты уверен?

— Я чувствую.

— Ты всегда чувствуешь. А потом оказывается, что это просто несварение.

— На этот раз несварение у всего отеля. Мокрун нервничает. Лягушки орут. Ты бьешь стаканы.

Авдей хотел что-то сказать, но не успел. Где-то наверху, на третьем этаже, что-то грохнуло. Потом ещё раз. Потом послышался женский голос, который с чувством произнёс:

— Моя рука! Опять!

Стёпа закрыл глаза.

— Лейла опять потеряла руку?

— Судя по звуку — да, — подтвердил Авдей.

— Интересно, где на этот раз?

— Скорее всего, в номере с принцессой.

Стёпа открыл глаза.

— У нас в отеле принцесса?

— С сегодняшнего вечера. Забыл сказать. Она сбежала от дракона.

— От дракона, — повторил Стёпа. — От нашего?

— Нет. От того, который летает и плюётся огнём. Ей не понравился его пещерный интерьер.

Стёпа посмотрел в потолок.

— И что теперь?

— Она требует, чтобы мы спрятали её от «чешуйчатого идиота». А Лейла, судя по звукам, использует свою оторванную руку, чтобы дотянуться до веника под кроватью.

Наверху снова грохнуло. Послышался звук катающейся по полу кости и обиженное шипение зомби.

— Авдей, — сказа Стёпа. — Я хочу уволиться.

— Управляющий не имеет права увольняться в период обострения болотной лихорадки. И во время визита инспекторов.

Стёпа поставил стакан.

— Ладно, — сказал он. — Завтра разберёмся.

Он развернулся и пошёл к лестнице. Где-то наверху снова что-то грохнуло. Потом послышался голос принцессы:

— Рука!

— Я знаю! — ответила Лейла. — Это моя!

Стёпа поднялся на второй этаж, зашёл в свою комнату — маленькую, с окном, выходящим на пруд, — и закрыл дверь. Он лёг на кровать, которая скрипела так, будто тоже была нежитью, и закрыл глаза.

Отель тяжело вздохнул, застонал и тихо, по-болотному, заплакал. Стены дрогнули. С потолка посыпалась штукатурка.

Глава 1. Тучи сгущаются

Рассвет на Большом Сыром Болоте был понятием условным. Солнце если и пробивалось сквозь серую хмарь, то выглядело как подозрительное пятно. Гораздо надёжнее было определять время по звукам: сначала орали поздние лягушки-совы, потом к ним присоединялись лягушки средние, а уж когда вступал хор ранних лягушек-жаворонков, — можно было с чистой совестью считать, что наступило утро.

Стёпа ненавидел утро. Он лежал на кровати, которая скрипела при каждом вздохе, и смотрел в потолок. Потолок был покрыт пятнами. Пятна были разных форм и размеров, и Стёпа давно подозревал, что некоторые из них двигаются. Когда стены издавали протяжный костяной скрип, означало, что пора вставать. Иначе кровать, которая по ночам пыталась его переварить, могла перейти к активным действиям.

За окном что-то плюхнулось в воду. Потом ещё раз. Потом раздался звук, который невозможно было спутать ни с чем: дракон откашливался. Мокрун кашлянул ещё пару раз. Стены дрогнули. С потолка посыпалась штукатурка — прямо на подушку. Стёпа сел, стряхнул её и вздохнул. Он встал, натянул халат, носящий на себе благородную патину болотных испарений и следы неудачных алхимических экспериментов, и открыл окно.

Вид из окна был... специфический.

Пруд, густой, как остывший кисель, в котором жил Мокрун, занимал примерно половину обзора. Сам Мокрун занимал вторую половину. Это была большая зелёно-бурая туша, из которой торчали крылья, покрытые тиной, больше похожие на паруса галеона, сгнившего ещё на стапелях. Голова Мокруна лежала на берегу, морда упиралась в гать. Из ноздрей медленно выдувались пузыри. Один пузырь надулся до размеров небольшого бочонка, дрогнул и лопнул. По лобби отеля пробежала легкая сейсмическая волна.

— Доброе утро, — сказал Стёпа.

Мокрун открыл один глаз. Глаз был размером с тарелку и смотрел на Стёпу с выражением, которое можно было бы описать как «ты меня разбудил, но я слишком ленив, чтобы злиться».

— Я знаю, — сказал Стёпа. — Я тоже не хотел просыпаться. Стёпа закрыл окно, перекрывая вид на экосистему, и спустился вниз.

Лестница в отеле «Болотный дракон» была отдельной достопримечательностью. Она не просто скрипела — она стонала, вздыхала, иногда всхлипывала. Каждая ступенька имела свой характер. Первая ступенька была тихой и покладистой. Вторая — предательски громкой, особенно если ты пытался спуститься тихо. Третья ступенька вообще отсутствовала — вместо неё была дыра, которую Стёпа закрывал доской. Доска иногда исчезала. Стёпа подозревал Пипа, но доказать не мог. Сегодня доска была на месте. Стёпа наступил на неё и услышал, как внизу, в лобби, кто-то торопливо зашуршал.

Стёпа застал Авдея за привычным занятием: лич протирает посуду тряпкой, которая давно уже представляла собой некое подобие живого организма. Стакан был грязным. Тряпка была грязной. Стёпа подозревал, что процесс протирания — это просто ритуал, который Авдей совершал для успокоения души. Или того, что от неё осталось. Триста лет назад Авдей повелевал легионами нежить и сеял хаос в северных провинциях. Сегодня он повелевал тряпкой.

— Доброе утро, — сказал Стёпа.

Авдей поднял череп. В пустых глазницах мерцали две тусклые искры — единственное, что осталось от великого тёмного мага, который триста лет назад заставил трепетать полмира.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал Авдей. Голос лича звучал как шорох сухих листьев по надгробию.

— Спасибо. Ты тоже.

— Я мёртв уже три века. Мне можно.

— А мне нельзя?

Авдей ничего не ответил. Он поставил стакан на стойку. Стакан развалился.

— Это уже третий, — сказал Стёпа.

— Пятый, — поправил Авдей. — Я просто не сказал.

— Почему?

— Не хотел тебя расстраивать.

Стёпа взял со стойки бутылку — ту самую, которую вчера не допил. Бутылка была пуста.

— Авдей.

— Что?

— Ты её выпил?

— Я не пью.

— Тогда кто?

— Пип.

— Пип не пьёт.

— Тогда Лейла.

— Лейла не пьёт.

— Тогда Гуннар.

— Гуннар пьёт только то, что сам сварил.

Стёпа вспомнил, что сам допил вчера.

— Ладно, — сказал он. — Неважно.

Он поставил бутылку обратно и обвёл взглядом лобби.

Лобби отеля «Болотный дракон» было местом, которое с трудом поддавалось описанию. Здесь стоял камин — большой, каменный, с вытяжкой, которая не работала. Дым от камина шёл не в трубу, а в комнату, поэтому в лобби часто пахло дымом, тиной и чем-то ещё, что Стёпа предпочитал не идентифицировать. У камина стояли три кресла. Одно было сломано. Второе было сломано, но выглядело целым. Третье было целым, но выглядело сломанным. Гости обычно выбирали третье, потому что оно хотя бы не скрипело.

На стенах висели картины. Точнее, то, что Стёпа называл картинами. Одна изображала дракона. Дракон был нарисован так, что больше походил на жабу, объевшуюся мухоморов. Вторая изображала болото. Болото было нарисовано так, что больше походило на кипящую жижу в необъятном котле. Третья картина была пустой. Стёпа повесил её, потому что она ему нравилась больше остальных.

В углу стоял скелет. Настоящий. Стёпа не помнил, откуда он взялся. Скелет стоял там столько, сколько Стёпа себя помнил, и иногда двигался. Ночью. Как лунатик. Когда никто не видел. Стёпа подозревал, что скелет — это бывший гость, который не захотел уходить. Или бывший управляющий. Сегодня скелет стоял тихо. Это было подозрительно.

— Авдей, — сказал Стёпа.

— Что?

— Скелет сегодня не двигался?

— Двигался. Ночью ходил в кладовую.

— Зачем?

— Не сказал. Но, судя по звукам, что-то ел.

Стёпа закрыл глаза и сосчитал до пяти. Потом до десяти. Потом сдался.

— Ладно, — сказал он. — Что у нас на завтрак?

— Гуннар что-то варит.

— Что именно?

— Он сказал, что это сюрприз.

— В прошлый раз от его сюрприза мы три дня отмывали котёл.

— Тогда, может, это не сюрприз, а традиция.

Стёпа не стал спорить. Он подошёл к бару, взял чистый стакан — он был один, и Стёпа прятал его за стойку, чтобы Авдей не разбил, — и налил себе воды. Вода была из болота. Она и пахла болотом. В этот момент входная дверь задрожала.

Стёпа замер. Авдей замер. Даже скелет в углу, кажется, замер.

Дверь задрожала ещё раз. Потом послышался стук. Потом — голос:

— Почта!

Стёпа посмотрел на Авдея.

— Это оно, — сказал он.

— Ты уверен? Может, это просто реклама.

— Какая реклама, Авдей? Мы на болоте.

Авдей не нашёл, что ответить. Стёпа вздохнул, подошёл к двери и открыл её.

На пороге стоял гоблин. Маленький, в форме почтальона — точнее, в том, что когда-то было формой, но теперь больше напоминало лохмотья. Последний раз почтальон забредал к нам в прошлом десятилетии, но заблудился в тумане и превратился в куст вереска.

Гоблин держал конверт. Конверт был запечатан восковой печатью с изображением башни. Башня была символом Гильдии Магов.

— Господин Мокроступ? — спросил гоблин. — Вам письмо, распишитесь.

Гоблин протянул Стёпе перо. Стёпа взял его и поставил подпись под документом, который гоблин держал в другой руке.

— Спасибо, — сказал гоблин. — Хорошего дня.

— Не обещаю.

Гоблин ушёл. Стёпа закрыл дверь и посмотрел на конверт.

Конверт был тяжёлым. Это не сулило ничего хорошего.

— Открывай, — сказал Авдей. — Или я открою.

— Ты не можешь. У тебя пальцы костяные. Ты порвёшь.

— Это будет по-своему символично.

Стёпа сломал печать, развернул письмо и начал читать. Лицо его постепенно приобретало цвет мокрой штукатурки. Читал он долго. Потом ещё раз перечитал. Потом отложил письмо, взял бутылку — пустую — и посмотрел на неё с тоской.

— Что там? — спросил Авдей. — Налог на нечисть? Штраф за несанкционированное содержание дракона?

— Хуже, — Стёпа бросил пергамент на стойку. — Комплексная проверка на соответствие статусу отеля. Если мы не пройдем — лицензию отзовут. А без лицензии защитные чары отеля спадут.

Авдей молчал. Холодный огонь в его глазницах моргнул на этот раз зелёным.

— Болото сожрет нас за одну ночь.

— Болото сожрет нас за одну ночь, — эхом подтвердил Стёпа. — И судя по пункту четыре, нам также выпишут штраф за отсутствие огнетушителей.

— У нас есть дракон, который при чихании тушит любые пожары.

— Гильдию это не волнует. Нам нужно привести отель в порядок. Инспекция.

— Когда?

— Через неделю.

Авдей молчал. В его глазницах погасли даже те тусклые искры, что были. Потом он сказал:

— Мы умрём.

— Кое-кто уже мёртв, — напомнил Стёпа.

— Я имею в виду — по-другому.

Стёпа сел в кресло. То самое, которое было сломано, но выглядело целым.

— Что нам нужно сделать? — спросил Авдей.

— Пройти проверку.

— Как?

Стёпа развернул письмо и начал зачитывать вслух:

— «Лицензия на нежить. Лицензия на магическую деятельность. Лицензия на содержание опасных существ. Санитарные нормы. Пожарная безопасность. Налоговая отчётность. Жалобная книга. Книга учёта постояльцев. Журнал регистрации смертей...»

Он замолчал.

— Смертей? — переспросил Авдей.

— Смертей.

— У нас есть журнал регистрации смертей?

— Пока нет.

— Мы не сможем привести в порядок даже лестницу. Третья ступенька снова требует жертвоприношения.

— Значит, придется кого-нибудь найти, — мрачно ответил Стёпа.

Авдей посмотрел на лестницу.

— Я думаю, — сказал он, — у нас большие проблемы.

— Я тоже так думаю.

Стёпа сложил письмо и убрал его в карман халата. Потом встал, подошёл к окну и посмотрел на пруд. Мокрун всё ещё спал. Пузыри из ноздрей выходили с регулярностью метронома. Один. Два. Три.

— Мокрун, — сказал Стёпа тихо. — У нас неделя.

Мокрун спал. Ему было всё равно. Стёпа завидовал.

Именно в этот момент по лестнице раздались шаги. Не скрип, не вздох дерева, а четкий, уверенный стук каблуков, который заставил обои в коридоре от испугасменить узор. В лобби вошла женщина. Она была в бальном платье из темно-синего бархата, которое стоило больше, чем весь отель, вместе с землей, драконом и скелетами в подвале. Платье было изодрано, подол покрыт толстым слоем болотной грязи, а на голове криво сидела диадема.

Но больше всего поражало не это. Поражало то, как она держалась. Она смотрела на лица, на дымящийся камин, в котором тлели сырые дрова, и на Стёпу так, словно они все нарушили ее личные границы.

— Доброе утро, — сказала она. Голос был ровным, как лезвие гильотины.

— Доброе, — осторожно отозвался Стёпа. — Вы, кажется, принцесса и заблудились. До ближайшей дороги три часа ходу через трясину.

— Я не заблудилась, — она подошла к стойке и оставила на ней золотую монету. — Мне нужен номер на самом верхнем этаже. С дверью, которую можно запереть изнутри на три замка. И с окном, которое выходит на дорогу.

Принцесса посмотрела на Стёпу. Потом на Авдея. Потом на скелет в углу. Скелет помахал ей рукой. Она даже не моргнула.

— И еще, — отрезала она. — Если кто-то спросит, вы скажете, что меня здесь нет. Или что я умерла. Или что я превратилась в жабу. Мне все равно.

Стёпа переглянулся с Авдеем.

— Наш отель не славится комфортом, — медленно произнес Стёпа. — У нас в супе иногда плавают глаза. А горничная — зомби, которая периодически теряет свои конечности в номерах постояльцев. Вы сбежали от кого-то?

Принцесса на мгновение закрыла глаза. В этом было столько усталости, что Авдей невольно проникся к ней профессиональным уважением.

— Я сбежала от дракона, — тихо, но с ненавистью сказала она. — Если он найдет меня здесь, он устроит зачистку отеля. Так вы сдадите мне комнату или нет?

Стёпа посмотрел на золотую монету. Потом на письмо от Гильдии. Потом на Авдея, который уже мысленно рассчитывал, сколько золотых монет можно получить за продажу чужого дракона болотным ведьмам. Стёпа улыбнулся, и в этой улыбке было столько же искренности, сколько в рекламе эликсира вечной молодости.

— Добро пожаловать в «Болотный дракон»! Авдей, проводи гостью. И найди Пипа, пусть сбегает за тремя замками.

Авдей кивнул, бережно убирая монету в недра своей мантии.

— Немедленно, хозяин.

Когда принцесса (Стёпа теперь был уверен, что она принцесса, потому что только они умеют так презрительно смотреть на грязь) поднялась по лестнице, заставив вторую ступеньку от страха замолчать, Стёпа подошел к окну.

Мокрун лениво моргнул, выпуская новый пузырь.

— Семь дней, — прошептал Стёпа, глядя на серую хмарь. — Нам нужно за неделю сделать из этого места крепость, которая выдержит незваного дракона, и при этом пройти проверку бюрократов из Гильдии.

Он отвернулся от окна и посмотрел на камин, где сырое дерево наконец начало дымить.

— Авдей! — крикнул он. — Пусть скелет в углу выучит наизусть пожарные нормы! У нас мало времени!

За окном Мокрун чихнул. Стены дрогнули. С потолка снова посыпалась штукатурка.

Глава 2. Блюдо без рецепта, но с характером

Стёпа был человеком, которого природа создала по принципу «сойдёт и так». Ростом он был выше среднего, но сутулился. Волосы — тёмные, давно не стриженные, торчали в разные стороны, как болотная трава, которую забыли скосить. На левом виске красовалась седая прядь — след от неудачного ритуала воскрешения кошки, которая в процессе передумала воскресать и решила вместо этого проклясть некроманта. Проклятие было слабеньким, всего-то и того, что прядь поседела, да левое ухо дёргалось, когда рядом кто-то врал. Ухо дёргалось часто. Болото — место, где правда была опцией, а не обязанностью. Стёпа к этому привык. Гости — не очень. Глаза у него были серо-зелёные, как болотная вода в пасмурный день, и смотрели на мир с выражением человека, который давно перестал удивляться, но ещё не потерял надежду. Одет он был в халат — болотный, с пятном от зелья, которое он варил три года назад. Под халатом — рубашка, когда-то белая. Штаны — кожаные, с заплатками на коленях. На ногах — сапоги, которые видели лучшие дни. И худшие. И вообще все дни, какие только можно увидеть. Левый сапог скрипел на «до», правый — на «фа». Стёпа давно хотел их выбросить, но подозревал, что они неотъемлемый атрибут гостиничной жизни.

Сейчас он стоял посреди лобби, смотрел на принцессу и думал, что делать. Принцесса — её звали Милица, — сидела на стуле и с интересом разглядывала скелет в углу. Скелет, кажется, смущался. Он то поднимал руку, то опускал, то делал вид, что он просто декорация. Получалось плохо.

— Он всегда такой? — спросила Милица.

— Какой?

— Застенчивый.

— Он не застенчивый. Он застрял. Говорит, что не может уйти, пока не закончит какое-то дело. Но не помнит, какое.

Милица посмотрела на скелет с сочувствием. Скелет посмотрел на неё с благодарностью. Точнее, он посмотрел на неё пустыми глазницами, но Стёпа готов был поклясться, что в них мелькнуло что-то тёплое.

— Ладно, — сказал Стёпа. — Завтрак.

Он развернулся и пошёл к двери, ведущей на кухню. Дверь была низкой — Гуннар был троллем, а тролли не замораживаются с дверными проёмами, — и Стёпе пришлось пригнуться. Он пригнулся. Дверь скрипнула. Из кухни пахло чем-то, что заставило его остановиться. Запах был... сложный. В нём чувствовалась тина, чеснок, что-то жареное, что-то горелое и нотка, которую Стёпа не смог опознать. Он подозревал, что это к лучшему.

— Гуннар? — позвал он.

— Чего? — отозвался голос из глубины кухни. Голос был низкий, рокочущий, как камнепад в горах.

— Что у нас на завтрак?

— Сюрприз!

— Какой?

— Если я скажу, это будет не сюрприз.

— Гуннар, в прошлый раз твой сюрприз три дня отмывался от котла.

— В этот раз я использовал новый котёл.

Стёпа нахмурился.

— С каких пор у тебя новый котёл?

— С тех пор, как я уронил старый в болото.

Кухня отеля «Болотный дракон» была местом, которое лучше было не описывать. Но Стёпа всё равно описал бы, если бы его попросили. Он бы сказал, что это большое помещение

с закопчёнными стенами и котлом, который занимал половину комнаты. Котёл был чугунный, чёрный, с вмятиной сбоку. Вокруг котла стояли столы, заваленные ингредиентами. Пучки трав, коренья, сухие грибы (не факт, что съедобные), банки с чем-то мутным, банка с лягушками (живыми), банка с лягушками (мёртвыми не по своей воле), и что-то, что Стёпа предпочитал не рассматривать.

Гуннар стоял у котла и мешал что-то большой деревянной ложкой. Ложка была размером с весло. Гуннар был размером с небольшой шкаф. Высокий, широкий в плечах и покрытый серо-зелёной кожей, которая на ощупь, вероятно, напоминала наждак. Волосы у него росли не только на голове, но и на плечах, и на спине, и вообще везде, где им вздумается. Из рта торчали два клыка — один длиннее другого. Глаза были маленькие, жёлтые, смотрели на мир с обманчивым добродушием. Гуннар был добродушным, но только до тех пор, пока никто не критиковал его стряпню. Фартук — грязный, с пятнами, которые, возможно, были старше Стёпы, — покрывал его от груди до колен. На голове красовался поварской колпак. Колпак был когда-то белым.

— Будешь? — спросил Гуннар, не оборачиваясь.

— Что это?

— Жаркое.

— Из чего?

— Из неизвестного.

— Гуннар, «неизвестное» — это не ингредиент.

— Ещё какой. Я нашёл его на болоте. Оно было большое, склизкое и шевелилось.

— Оно было живым?

— Было. Теперь нет. Теперь оно жаркое.

— А если я это съем? — спросил Стёпа.

— Тогда ты узнаешь, что это.

— А если не съем?

— Тогда не узнаешь. Это называется «выбор».

Стёпа хмыкнул. Гуннар был троллем, а тролли, как известно, троллят. Это не было злым умыслом. Это было видовой чертой. Гуннар не мог не троллить, как не может не квакать лягушка или не скрипеть старая дверь. Он троллил с достоинством, с огоньком и, что самое неприятное, с искренним удовольствием.

Стёпа закрыл глаза и сосчитал до пяти. Потом до десяти.

— Ладно, — сказал он. — Давай сюда.

Гуннар зачерпнул из котла половником — половник был размером с голову Стёпы — и вылил содержимое в миску. Миска была глиняная, с трещиной. Жаркое в ней выглядело... Стёпа не нашёл слова. Оно было коричневым. Оно было густым. Оно пахло. А в половнике осталась ложка. Чайная. С выгравированными инициалами.

— Это чьё? — спросил Стёпа.

— Не знаю, — сказал Гуннар. — Оно было в неизвестном.

— В неизвестном была ложка?

Стёпа взял ложку. На ней было выгравировано «А.П.». Стёпа не знал, кто такой «А.П.». Он надеялся, что это не «Авдей Проклятый» — потому что если это Авдей, то он никогда не признается, что потерял ложку. Авдей был личем, а личи не теряют вещи. Они «перемещают их в альтернативное пространство».

— В неизвестном много чего было. Я не всё успел рассмотреть.

— Гуннар, ты уверен, что это съедобно?

— Я не уверен. Но я тролль. Я могу есть камни. Ты — нет. Так что если ты отравишься, я не виноват.

— А кто виноват?

— Тот, кто придумал, что некроманты должны есть.

— Что это за специи? — спросил Стёпа, приняхиваясь.

— Чеснок, перец, болотная соль и немного тины для вкуса.

— Тина — это не специя.

— Ты просто не умеешь готовить. — В маленьких жёлтых глазах тролля мерцало что-то, что было похоже на удовольствие.

Стёпа не стал спорить. Он взял миску и понёс её в лобби.

Принцесса стояла у лестницы и разговаривала Лейлой.

Лейла была зомби-эльфийкой. Когда-то она была красивой — высокой, стройной, с длинными светлыми волосами и глазами цвета весеннего неба. Теперь она была... всё ещё высокой и стройной. Волосы — тоже светлые, но сбились в колтуны, из которых торчали веточки. Глаза — тоже голубые, но один смотрел чуть в сторону, а второй — чуть вверх, создавая эффект постоянной задумчивости. Кожа была серо-зелёной, с пятнами, которые, казалось, меняли форму в зависимости от настроения. Платье — когда-то белое, теперь серое, с заплатками. На поясе висели ключи, тряпка и отрубленная рука. Своя.

Сейчас Лейла держала в правой руке швабру.

— Доброе утро, — сказала Лейла, заметив Стёпу.

— Доброе.

Лейла подошла к бару и села на стул. Стул скрипнул. Лейла вздохнула в ответ. Зомби вздыхают так, будто у них внутри что-то перекачивается. Потому что у них внутри что-то перекачивается.

— Я требую перерыв, — сказала она.

— Мёртвым не нужны перерывы.

— Это дискриминация по признаку смерти.

Лейла была зомби, а зомби, как известно, не устают. Они просто замедляются. И если Лейла замедлялась, она могла простоять на одном месте три дня. Стёпа это видел. И не один раз. Он не хотел повторения.

— Ладно, — сказал он. — Будет тебе перерыв.

— Когда?

— После инспекции.

— А если инспекция не пройдёт?

— Тогда перерыва не будет. Потому что отеля не будет. И тебя не будет. И профсоюза не будет.

Лейла задумалась. Потом сказала:

— Это шантаж.

— Называй как хочешь. Но перерыв будет только после инспекции.

Лейла вздохнула. Внутри у неё снова что-то перекачилось. Потом она сказала:

— Ладно. Но если ты обманешь, я организую забастовку.

Лейла взяла свою руку и приставила к плечу. Рука прижилась. Не с первого раза, с третьего. Лейла пошевелила пальцами. Пальцы отозвались.

— Отлично, — сказала она. — Теперь можно работать.

Стёпа поставил миску на стол и сказал:

— Завтрак.

Принцесса посмотрела на миску. Потом на Стёпу. Потом на Лейлу. Потом на скелет, который снова начал махать рукой.

— Это... жаркое? — спросила она.

— Сюрприз от повара, — сказал Стёпа.

Принцесса села за стол. Взяла ложку. Зачерпнула. Понюхала. Потом посмотрела на Стёпу.

— А если я отравлюсь?

— У нас есть зомби-горничная. Она тебя поднимет.

— Это... утешает.

Принцесса попробовала. Потом сказала:

— Знаете, это не так плохо.

Стёпа моргнул.

— Правда?

— Немного пересолено. Но в целом...

Она съела ещё ложку. Потом ещё.

Стёпа посмотрел на Авдея. Авдей посмотрел на Стёпу. Скелет в углу посмотрел на них обоих и пожал плечами — насколько это возможно для скелета.

— Ладно, — сказал Стёпа. — Я пойду проверю номера.

Он развернулся и пошёл к лестнице. За спиной он слышал, как Лейла говорит принцессе:

— Если ты умрёшь, я тебя подниму. Но предупреждаю: у нас профсоюз нежити. Придётся вступить.

— Я подумаю, — ответила принцесса.

Стёпа поднялся на второй этаж и остановился. Из-за двери одного из номеров доносился странный звук. Похоже, кто-то пытался открыть окно. Или закрыть. Или сломать.

Он подошёл к двери и постучал.

— Кто там? — раздался голос.

— Управляющий.

— Какой управляющий?

— Стёпа.

— А, этот. Заходи.

Стёпа открыл дверь и заглянул внутрь.

Номер выглядел так, будто в нём взорвалась маленькая, но очень злая магическая лаборатория. На полу — обгоревшие пятна. На стенах — копоть. На кровати — груда книг, свитков и чего-то, чему Стёпа даже не знал названия. В углу стоял посох, который светился тусклым красным светом и тихо гудел.

Посреди всего этого стоял маг. Настоящий. В мантии — красной, с золотыми звёздами, — и с бородой, которая, кажется, жила своей жизнью. Борода была длинной, седой, с запутавшимися в ней остатками завтрака (или вчерашнего ужина — Стёпа не был уверен). Маг был невысокий, полноватый, с лицом человека, который знает, что он гений, и не устаёт всем об этом напоминать.

Златозар Премудрый снял этот номер три года назад. Он обещал заплатить «вот-вот». Стёпа ждал. Иногда Златозар платил — но не деньгами, а «магическими услугами». Например, он заколдовал камин так, чтобы тот не дымил. Камин после этого начал дымить ещё сильнее, но зато с искрами. Златозар сказал, что это «дизайнерское решение».

— Оно не открывается, — сказал Златозар, кивнув на окно.

— Я знаю. Оно заколочено.

— Зачем?

— Чтобы никто не выпал.

— А кто-то выпадал?

— Ты. В прошлый раз, когда был недоволен завтраком.

Златозар посмотрел на Стёпу с интересом.

— А что было на завтрак?

— Сюрприз.

Златозар задумался. Потом сказал:

— Знаешь, я, пожалуй, не буду завтракать.

— Через неделю инспекция. И если ты не будешь завтракать, инспектор решит, что у нас неполноценное питание.

— А если я буду завтракать, он решит, что у нас неполноценный вкус.

— Тогда ешь и делай вид, что тебе нравится.

Златозар вздохнул. Потом посмотрел на Стёпу.

— У меня к тебе дело, — сказал маг.

— Какое?

— Я ищу дракона.

Стёпа медленно выдохнул.

— Златозар. Ты живёшь здесь три года.

— И что?

— Ты каждый день видишь Мокруна.

— Это не дракон.

— Это дракон.

— Это не тот дракон. Настоящий дракон должен летать, дышать огнём и есть принцесс. Этот не летает, не дышит и ест коряги.

— Он ест коряги, потому что у него зубы болят.

— Вот именно. Настоящий дракон не может иметь больные зубы. Это противостоит.

Стёпа знал, что спорить бесполезно. Златозар три года искал «настоящего» дракона, игнорируя очевидного. И, судя по всему, собирался искать ещё три года.

— Ладно, — сказал Стёпа. — Что ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты помог мне найти настоящего дракона.

— Где?

— На болоте.

— Златозар, на болоте нет других драконов.

— Ты не проверял.

— Я проверял. Каждую кочку.

— Не каждую.

— Хорошо, допустим. Объясни мне, зачем тебе огнедышащий летающий дракон?

— Разве это не очевидно? Где свирепый дракон, там драконьи сокровища, которые он охраняет. А наш Мокрун способен только пускать пузыри. Помогите мне, и я щедро заплачу.

Стёпа задумался. Потом вспомнил про инспекцию. Про лицензии. Про долги перед Гильдией Магов.

— Сколько? — спросил он.

— Достаточно.

— Это не ответ.

— Тебе понравится.

Стёпа вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Но сначала завтрак.

Златозар посмотрел на него с недоумением.

— Я думал, мы это уже обсудили.

Потом махнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Завтрак так завтрак. Я голоден. Сейчас спущусь.

Стёпа кивнул и вышел из номера.

Где-то внизу Мокрун кашлянул. Стены дрог

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.